

ИСТОРИЯ ТЕЛА: НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Концепция истории тела более знакома российским ученым, чем это может показаться на первый взгляд. Ведь уже в своем исследовании о Ф. Рабле, начатом в революционные годы после первой мировой войны, русский литературовед Михаил Бахтин занимался народной карнавальной культурой, которая использует, в частности, телесные формы выражения. Прекращение будничного порядка, которое может происходить в особые моменты, такие как время праздника или также восстания, часто проявлялась в бьющей через край телесности: чрезмерная пища и питье, безудержная сексуальность, бесстыдное опорожнение тела символизируют выход не только за физические, но и за общественные границы. К этому извращению существующих норм относится также смена половых ролей, когда мужчины одеваются как женщины или женщины ведут себя как мужчины. Те, кто ниже в социальной иерархии, на карнавале могут подражать сильным мира сего и высмеивать их, так что здесь в виде исключения "верхи" и "низы" общественного организма также ставятся с ног на голову. Действительно ли эти гротескные изображения тела, как утверждает Бахтин, с XVII столетия по мере роста рационализма исчезали, отесняясь в литературу? Действительно ли они в ходе цивилизационного процесса и социального дисциплинирования, как описывает Н. Элиас, исчезали из общественной жизни, или, наоборот, как возражал Г.П. Дюрр, до сегодняшнего дня используются как антропологические символы протеста? Это является предметом продолжающейся исследовательской дискуссии. Однако заслугой Бахтина остается то, что он указал на большое разнообразие жестов, символов тела и на механизмы, позволяющие рассматривать их как важное выразительное средство народной культуры эпохи до начала Нового времени.

Другим важным источником, раскрывшим потенциал исследования языка

тела, следует считать эссе М. Маусса 1934 г. о техниках тела. На фоне антропологической и социологической перспективы он показал, что формы движения и деятельности тела, такие как, например, бег, стояние, плавание, молитва, сон и сексуальные практики зависят от культуры, пола и поколения. Эти наблюдения касались не только чужих культур или прошлых времен; он подтвердил их личным опытом времен Первой мировой войны. Тогда английские солдаты не могли копать французскими лопатами, маршировать под французскую маршевую музыку, даже если им удавалось держать такт; солдат различных национальностей можно было издали узнать по их походке. Утверждение Маусса, что "тело является первым, природным инструментом человека", послужило стимулом для других важных исследований, таких, как исследование Рудольфа Брауна о танце или Жана-Клода Шмитта о логике жестов в средневековье.

То, что внимание к метафорам тела имеет значение не только для литературоведения, этнографии или этнологии, но и для политической истории, показало исследование Э. Канторовича 1957 г. о двух телах короля; его можно рекомендовать как третьего "отца-основателя" истории тела. Канторович исследовал возникновение и импликации средневекового представления, что король и соответственно королевская власть никогда не умирают, так как они в определенной мере представляют собой надличностное, бессмертное должностное тело, которое представлено следующими друг за другом, смертными королевскими должностными лицами. Канторович тем самым описал формирование исторической идеи представления государственного тела и показал, что его наименование "corpus" ни в коем случае не является чисто словесной картиной, но юридическим и богословским понятием с далеко идущими религиозными импликациями и теорети-

ческими столкновениями. Очевидно, именно политическим абстракциям для их формирования и понимания необходимы телесные образцы толкования, чтобы сделать их узнаваемыми и понимаемыми. Такие представления о политическом теле до сегодняшнего дня могут оказывать значительное воздействие на социальные нормы и политические действия.

Работы Бахтина, Маусса и Канторовича не исчерпывают список ранних трудов, связанных с историей тела. Но они показывают, что когда мы говорим об истории тела, которая уже около 20 лет образует новую область исследований, идущую прежде всего из англоамериканского пространства, то речь идет не просто о постмодернистском течении, а о подходах, которые восходят к фундаментальным исследованиям известных "пионеров" гуманитарных наук начала XX века.

Как можно объяснить растущий интерес к истории тела с 1980-х годов, который привел к возникновению особого исследовательского направления? Ответ надо искать в контексте нескольких новых тенденций в исторических исследованиях; все они обращают особое внимание на исторический субъект с его восприятием, опытом и формами действия.

Самый важный толчок к изучению тела как одновременно индивидуальной и коллективной системы символов и коммуникации пришел из области исторической антропологии. Анализ ритуалов и ритуализованных действий показал, что тело играет центральную роль в этих большей частью невербальных инсценировках: оно может служить выражением власти, сценическим действующим лицом или живым символом (все тело или только отдельные части жесты тела) для общественных представлений или мифов.

Рост популярности истории повседневности также привлек внимание к микрофеноменам: к цикличности социального взаимодействия людей в городе и деревне, к продуктам питания, их приготовлению и правилам питания, к одеж-

де и жилищу, к сексуальным практикам людей и их отношению к здоровью и болезням.

Под влиянием социологии и новой социальной истории усилился интерес к стратегиям социализации, дисциплинирования, маргинализации и стигматизации. В связи с этим ученые обратились к правовым нормам, принятию судебных решений и уголовному преследованию, обращению с больными, безумными, уголовными преступниками, ведьмами и проклятыми, то есть с теми, чьи тела часто истязали, сжигали и клеймили. Начиная с М.Фуко, тело рассматривается как объект социального контроля – уязвимое тело было открыто властям для использования юридических, идеологических и медицинских стратегий дисциплинирования.

Гендерные подходы в исторических исследованиях поставили под сомнение традиционное представление, что тело идентично тому, как оно воспринимается, а также об отношениях полов. Были разработаны аналитические категории, которые дают возможность описывать представления о женственности, мужественности, теле и сексуальности как преимущественно общественные и исторические конструкты, не находящиеся вне истории как чисто биологические факты.

Наконец, постструктуралистская критика идей идентичности и сознания уравновешенного и гармоничного субъекта основательно поколебала прежние концепции авторства и автономии действий и таким образом привела к образованию новых мыслительных моделей функционирования индивидуумов и общественных коллективов.

Во всех пяти случаях тело оказалось местом пересечения сложных социальных и культурных процессов, превративших его в общественный и исторически изменчивый конструкт. Сколько эссенциализма (согласно которому имеются фактически бесспорные биологические факты и телесный опыт, которые лежат в основе общественных конструкций восприятия тела) и сколько конструктивизма

(согласно которому все феномены тела так или иначе доступны только посредством языка как средства информации и поэтому не могут пониматься как внеязыковые факты) связано с соответствующим понятием тела, с одной стороны, еще остается темой для обсуждения, и, с другой стороны, очевидно, зависит от мнения отдельных исследователей.

Характерно, что к истории тела до сих пор чаще обращались историки, занимающиеся средневековьем, в сфере исследования которых общественное присутствие тела, по-видимому, более ощутимо, так как по сравнению с сегодняшними практиками оно "более необычно". Однако, как ни парадоксально, именно в Новое время возникли и распространились дискуссии о теле, о здоровье, о медицинских, гигиенических и рационализирующих техниках, которые обращаются к внутреннему и внешнему телу отдельного человека и модифицируют его, об индивидуальной рефлексии тела, которая придает собственному физическому самочувствию первоочередное место в сознании и в самоопределении.

История тела претендует на то, что она не только открыла новые темы, но и разработала новые методы на основе достижений и методов этнологии, психоанализа, науки о средствах массовой информации. В то же время тело как неязыковое средство информации рассматривается в следующих аспектах:

Тело как средство и объект коммуникации:

- тело как носитель коммуникации, мимика, жесты и специфические конфигурации тела;

- возможности (само) наблюдения, которые становятся доступными только благодаря владению письменным языком:

Тело как образец восприятия:

- представления о ценностях и способы интерпретации, с помощью которых формируется представление о теле;

- история боли, желаний, наслаждения, сексуальности, старения; история восприятия с помощью органов чувств,

то есть зрения, слуха, обоняния, осязания.

Тело как объект социализации:

- возможности и представления об изменении тела, дисциплинировании, рационализации и "оптимизации" функций и видов деятельности тела.

Тело как носитель социальных представлений:

- изменения в восприятии и оценке одежды, которую индивидуумы и группы используют для выражения социальной принадлежности, вкуса и образа мыслей;

- жесты тела как средство социального и ритуального взаимодействия.

Тело как метафора политического / космологического строя:

- представления о теле как представления о политическом строе;

- история космологических отношений гармонии и симпатии.

Тело как предмет (естественно) научных исследований:

- история медицинских представлений о теле и его лечении;

- история изучения аффектов и физиогномики;

- изменения в оптике и в теории визуального восприятия.

В качестве примера я хотела бы коснуться исследования Ральфа Е. Гизей о погребениях французских королей, ко-

торое отчетливо показывает значение телесности для истории представлений о государстве. Гизей как ученик Канторовича доказал существование упомянутых вначале объемных изображений "двух тел" короля. Ведь различие между личным телом короля и его должностным телом в Англии и Франции эпохи позднего средневековья привело даже к тому, что при погребении королей тело короля действительно было представлено дважды: один раз как настоящий труп в гробу и затем как восковая фигура в королевской одежде и с королевскими регалиями, которую несли сначала непосредственно поверх гроба, а позднее на отдельных носилках.

На основе детального хронологического исследования этих восковых фи-

гур и их различной экипировки Гизей смог показать их точную функцию в политическом контексте соответствующего погребения и изменение выраженных таким способом концепций государства и монархии. Во Франции в течение XV века и до Франциска I восковые фигуры занимали все больше более значительное положение в погребальном шествии и изображались все более живыми. Если первая французская восковая фигура, фигура Карла VI., в 1422 г. еще изображает мертвого короля с закрытыми глазами, то в последующих погребениях фигура становилась все более живой: у фигуры Карла VIII глаза были открыты, а у Франциска I инсценировка зашла так далеко, что с восковой фигурой еще целую неделю после смерти короля обращались как с живым человеком: сидя на кровати, она принимала участие в трапезах и при этом как бы фиктивно ела и пила. Такая тенденция указывает не столько на удавшуюся институционализацию и расширение французской монархии и ее государственных воззрений, сколько, прежде всего, на потребность в усилении визуализации этих политических концепций. В действительности монархия обращалась к этим явным воплощениям именно в периоды угрозы. Так, первая

восковая фигура монарха в 1422 г. появляется как раз в момент, когда французская монархия находится в одном из самых глубоких кризисов и угрожает раствориться в англо-французской дуалистической монархии. Физическое воплощение идеи королевской власти здесь служит прежде всего для того, чтобы преодолеть опасную переходную фазу между смертью старого и вступлением на трон нового короля. Очевидно, только пластическое воплощение короля в этом контексте может обещать успокаивающую преемственность власти. Таким образом, вывод из работы Гизея состоит в том, что расточительные общественные ритуалы, инсценировки и символы шире используются для легитимации ослабевшей власти.

Перевод И.Н.Мирославской

Библиографический список

1. Bachtin M. M. Rabelais und seine Welt. Volkskultur als Gegenkultur. Frankfurt/M., 1987.
2. Braun R. Gugerli D. Macht des Tanzes - Tanz der Mächtigen: Hoffeste und Herrschaftszeremoniell 1550-1914. München, 1993.
3. Duerr H.-P. Der Mythos vom Zivilisationsprozess. Bd. 1: Nacktheit und Scham. Bd. 2: Intimität. Bd. 3: Obszönität und Gewalt. Bd. 4: Der erotische Leib. Frankfurt/M., 1988-1997.
4. Elias N. Über den Prozess der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. 2 Bde. Frankfurt/M., 1976 (1939).
5. Elias N. Dunning E. Sport im Zivilisationsprozess. Studien zur Figurationssoziologie. Münster, 1980.
6. Foucault M. Überwachen und Strafen. Die Geburt des Gefängnisses. Frankfurt/M., 1976. (Surveiller et punir, 1975).
7. Foucault M. Sexualität und Wahrheit. Bd. 1: Der Wille zum Wissen. Bd. 2: Der Gebrauch der Lust. Bd. 3: Die Sorge um sich. Frankfurt/M., 1977. (Histoire de la sexualité. 1976-1984).
8. Foucault M. Die Geburt der Klinik. Eine Archäologie des ärztlichen Blickes. Frankfurt/M., 1993 (Naissance de la clinique, 1963).
9. Giesey R. The royal funeral ceremony in Renaissance France. Genf, 1960.
10. Kantorowicz E. Die zwei Körper des Königs. Eine Studie zur politischen Theologie im Mittelalter und in der Frühen Neuzeit. München, 1990 (engl. 1957).
11. Mauss M. Die Techniken des Körpers // Ibid. Soziologie und Anthropologie. Bd. 2. Frankfurt/M., 1989. 199-220 (Les techniques du corps. 1934).

12. Schreiner K., Schnitzler N. (Hg.) Gepeinigt, begehrt, vergessen. Symbolik und Sozialbezug des Körpers im späten Mittelalter und in der frühen Neuzeit. München, 1992.
13. Schmitt J.-C. Die Logik der Gesten im europäischen Mittelalter. Stuttgart, 1992 (La raison des gestes, 1990).